

*Руденко Е.И., кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы (Казахстан)*

МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ

Аннотация: статья ставит своей целью рассмотрение феномена прямых и опосредованных миграционных контактов этнических групп и народов Центральной и Южной Азии на самых ранних (первоначальных) стадиях отношений этих двух регионов. Проведен краткий аналитический обзор казахстанской, российской и зарубежной (прежде всего индийской) историографии; осуществлено сопоставление теоретических положений по миграционному взаимодействию с его реальной практикой в разрезе рассматриваемых пространства и периода. Показано, что в эпоху одной из самых первых исторически значимых миграций – арийской – оба региона оказались на длительное время втянутыми в ее орбиту, что отразилось на этнических, социальных и культурных особенностях их дальнейшего развития; в период же межрегиональных «внешних» империй наряду с прямым торгово-экономическим происходило и косвенное миграционное взаимодействие представителей двух регионов в различных центрах этих империй, что оказало влияние на дальнейший ход развития как самих центральноазиатского и южноазиатского ареалов, так и сопредельных ближневосточных государственных образований. Таким образом, уже в ранней древности миграционное взаимодействие представителей Центральной и Южной Азии являлось длительным, разносторонним, интенсивным, продуктивным и, следовательно, имеющим существенные последствия. Это позволяет применить к нему современные теории миграции, а главное, дает возможность рассматривать начальные контакты между двумя регионами как значимый, а где-то и определяющий фактор в их последующем историческом развитии. Изложенная в статье информация может быть использована в качестве исходного либо промежуточного материала для дальнейших изысканий по данной тематике, а также при написании учебных пособий и в процессе подготовки специалистов по историческим и востоковедным дисциплинам.

Ключевые слова: Центральная и Южная Азия, этнические группы, доарийский и арийский периоды, Ахеменидская и Македонская империи, миграционное взаимодействие

Введение и теоретические положения

По мнению многих исследователей, история взаимоотношений Центральной и Южной Азии является столь же древней, сколь и история эволюции их цивилизаций. Данное утверждение может быть полностью применено к истории миграционных контактов между двумя регионами, оказавших существенное, а в некоторых сферах и определяющее влияние на их дальнейшее развитие.

Индийский этнический компонент присутствовал в Центральной Азии, а центральноазиатский – на Южноазиатском субконтиненте в течение нескольких тысячелетий. Начавшись с глубокой древности, миграционные контакты продолжались на протяжении всего периода существования государств и государственных образований в обоих регионах, пересекая пространственно-временные границы и пронизывая собой все сферы матери-

альной и духовной жизни этнических групп в Центральной и Южной Азии. При этом сам характер формирования данных этнических групп во многом был обусловлен теми же миграциями, которые приводили к различным результатам – от ассимиляции (как это чаще всего имело место с представителями Центральной Азии в Южной) до сегрегации и последующей интеграции (что имело место в обоих регионах).

Хотя между историческим явлением миграции и его современным аналогом имеются определенные различия, однако в целом к феномену миграций, имевших место между Центральной и Южной Азией можно применить стандартное современное определение, предложенное О.Д. Воробьевой. Согласно ему под человеческой миграцией понимается «любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих» [1, с. 10].

Здесь же можно привести и положение Л.Л. Рыбаковского о том, что под миграцией в широком смысле следует понимать «территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности», с выделением эпизодической, маятниковой, сезонной и безвозвратной миграций [2, с. 10, 13]. Действительно, миграционные процессы между центральноазиатским и юж-

ноазиатским регионами всегда носили комплексный характер. Они могли быть обусловлены потребностью вынужденного ухода с собственной территории либо поиском «лучшей жизни» на новом месте, имели своей целью постоянное оседание или временное пребывание на новой территории, т.е. были эпизодическими, сезонными и безвозвратными, происходили по военно-политическим, торгово-экономическим, миссионерским и даже научно-образовательным причинам и т.д. В целом, миграционные отношения рассматриваемых регионов на протяжении всего периода их истории отражали практически все учитываемые на сегодняшний день предпосылки и факторы внешних, а иногда и внутренних миграций.

Установить точную дату начала миграционного взаимодействия между Центральной и Южной Азией представляется невозможным, так как все имеющиеся письменные, археологические и прочие свидетельства – как прямые, так и косвенные – отражают не начало, а лишь определенный период в таком взаимодействии, когда межрегиональные миграции на данных территориях были уже регулярными и интенсивными. На основе только достоверных (не мифологизированных) данных начало цивилизованного миграционного взаимодействия двух регионов можно отнести ко времени существования Хараппской цивилизации в Индии и первых крупных городищ в Центральной Азии. Впоследствии мощные миграционные волны регулярно следовали из Центральной в Южную Азию, так что, по замечанию Р. Тхапар, «вся Северная Индия оказалась втянутой в орбиту событий, происходивших в Центральной Азии» [3, с. 82]. По словам М. Хайдар, «периодическое вхождение с VI в. до н.э. отдельных частей Центральной и

Южной Азии в одни и те же империи способствовало свободному перемещению людей, обмену идеями и укреплению коммерческих связей... почти все чужеземцы, которые серьезно повлияли на историю Индии, пришли туда из либо через Центральную Азию» [4, с. 117-118]. Известный индийский историк Р. Санкритьяна же утверждает, что «история Центральной Азии очень тесно связана с историей нашей страны... Начальная часть истории многих индийских правителей и их народов начинается в Центральной Азии, и если не знать эту начальную часть, мы не сможем безошибочно понять свою собственную историю» [цит. по: 5, с. 41].

Сформировавшаяся в результате миграционного взаимодействия значительная духовная близость Центральной и Южной Азии дает возможность и в настоящее время комплексно рассматривать оба региона на основе цивилизационной парадигмы (в духе Н.Я. Данилевского), согласно которой каждая цивилизация основывается на какой-то исходной духовной предпосылке, «большой идее», «сакральной ценности», вокруг которой формируется материальная (социально-политико-экономическая) оболочка в виде государств и их союзов. В результате миграционных контактов у Центральной и Южной Азии оказалось немало общего в этой «большой идее».

Действительно, в ходе культурно-цивилизационного взаимодействия представителей Центральной и Южной Азии всегда происходила активная диффузия материальной и духовной культуры как «заимствование одними этническими образованиями у других отдельных культурных элементов, в том числе путем их передачи в процессе передвижения этносов или их сегментов при миграционных процессах» [6, с. 411]. Причем дан-

ная культурная диффузия происходила не только от центра к периферии, как это бывает чаще всего, но и в обратном направлении. Иными словами, в процессе ассимиляции или интеграции всегда существовала та или иная степень аккультурации в отношениях представителей Центральной и Южной Азии.

Не исключено, что сам феномен миграционных контактов между двумя регионами, помимо прочего, привел к формированию в них серьезных принципов этноконфессиональной толерантности. «Открытое общество, с развитыми внешними миграциями, более толерантно, чем то, в котором люди имеют ограниченные контакты лишь с немногими культурами... Уверенность в собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или для участия в совместной деятельности, причем позитивная групповая идентичность приводит к толерантности» [7, с. 121-122]. В результате такая толерантность сегодня отмечается у значительной части представителей и Центральной, и Южной Азии.

Особенности миграционного взаимодействия населения Центральной и Южной Азии в доарийский и арийский периоды

По мере получения новых достоверных сведений о более древних периодах истории регионов Центральной и Южной Азии, истоки начала их взаимодействия отдвигаются на все более ранние сроки. Признаки этого взаимодействия обнаружены в контактах представителей Хараппской (Индской) цивилизации с населением территории современного Туркменистана и с андроновскими поселениями на территории современного Казахстана [8, с. 690]. Свидетельствами активных вре-

менных торговых миграций жителей древних поселений и государственных образований двух регионов являются многочисленные находки импортно-экспортных товаров; при этом необходимо различать как привозную продукцию, так и местную, имевшую на себе отпечаток межрегионального взаимовлияния.

Более того, древние индийцы были вовлечены и в торговую экспансию; так, на Амударье обнаружена харапская «колония» – городище Шортугай А (2200-2000 гг. до н.э.) [9, с. 165]. Уже в III тыс. до н.э. южные районы Центральной Азии начинают играть свою посредническую роль в сухопутной торговле Индских городов с государственными образованиями Ближнего Востока, а позже – Китая.

В период III-II тыс. до н.э. начались обмен и ассимиляция первых научных идей, технологий и социально-культурных ценностей между географически смежными районами Центральной и Южной Азии. Подобные торгово-экономические контакты и связанный с ними обмен технико-культурными достижениями способствовали общему развитию обоих регионов. Так, архитектура крупных поселений юго-западной части Центральной Азии, возникших в основном после расцвета центров Харапской цивилизации, напоминает архитектуру последних.

При раскопках в Харappe были обнаружены бюсты людей монголоидного типа, которые, скорее всего, изображали представителей тибето-бирманской группы из северо-восточных районов самой Индии, хотя не исключается, что население долины Инда в результате миграционных контактов было знакомо и с монголоидами из более отдаленных районов Центральной Азии. Более того, согласно некоторым предположениям, население

южных районов Центральной Азии и Индии было родственно в лингвистическом и даже расовом отношении, являясь дравидийским (хотя вряд ли можно признать обоснованными попытки отождествить насельников Индской цивилизации – дравидов – с «пра-праторками», как это предлагает М. Барманкулов [10, с. 22-23, 167-177]).

Если упадок Индской цивилизации лишь частично и пока без достаточных доказательств связывается с приходом в Южную Азию арийских племен, то за угасание городских центров территории Туркменистана индоарии действительно «несут ответственность». По этому поводу Р. Санкритьяна отмечает, что «самый первый контакт ариев с дравидами произошел не в низовьях Инда, а в районе Хорезма» [цит. по: 5, с. 41], что свидетельствует об очевидном миграционном присутствии первых арийских протоиндийцев либо родственных им этносов в центральноазиатском регионе.

Согласно предположению как ряда индийских, так и западных исследователей, арии начали свое движение в южном направлении из Центральной Азии. Некоторые казахстанские ученые вообще говорят о начале движения арийских племен с территории северного и западного Казахстана, в частности, вдоль восточного берега Каспийского моря, точно также как киргизские исследователи ищут родину ариев на берегах Иссык-Куля. В данном случае, очевидно, происходит сопоставление и даже отождествление ариев и андроновцев и, более того, ариев и скифов (саков). Согласно наиболее распространенным гипотезам проникновения ариев в Индию, подобное предположение об их среднеазиатском происхождении может рассматриваться лишь как частично верное. Тем не менее, будь родиной ведических ариев и в целом

всей протоиндоевропейской общности приполярные районы Карелии и Скандинавии («арктическая теория Сомагири» Б.Г. Тилака), Западная, Центральная, Восточная и Южная Европа, либо степи южной Украины и России, в любом случае одним из важнейших географических коридоров миграционного перемещения различных волн арийских племен в Индию являлись западный (закавказский) и восточный берега Каспия. Так, Р. Санкритьяна, прослеживая путь ранней волны ариев на территорию Южной Азии в разрезе времени и пространства, ведет «индо-славов» из Восточной Европы через Поволжье (VI-IV тыс. до н.э.), Среднюю Азию – в частности, русло Амударьи, Ферганскую долину и Памир (3000-2500 гг. до н.э.) в северо-западные районы Индии. При этом автор отмечает, что на своем пути арии в северных районах Средней Азии встречали коневодов, а в южных – земледельцев [11, с. 7-10, 13, 25, 39, 47]. Здесь, впрочем, следует уточнить, что, следуя индийской традиции, Р. Санкритьяна отодвигает в древность приход ариев на территорию Индии. Если же принять во внимание, что ранний период андроновской культуры датируется XVIII в. до н.э., а начало проникновения ариев в Индию относится к середине-концу II тыс. до н.э., то через территорию Казахстана последние, скорее всего, проходили в начале II тыс. до н.э.

По мере своего миграционного перемещения на юг арии действительно останавливались, а их часть и вовсе осела на территории Казахстана, войдя важной составной частью в андроновское и позднее скифское (сакско-сарматское) этнические образования, распространившиеся от Черного моря и Южной Сибири до Афганистана. Известно, что различные скифские племена обитали на огромной территории евразийской лесостепной зо-

ны, при этом направление их расселения соответствовало направлению перемещения ариев на восток. Известно также, что в начальный период своего существования андроновская общность в Казахстане испытывала влияние срубной культуры Поволжья [12, с. 19]. Причиной этого, скорее всего, и являлось постепенное перемещение арийских племен, тем более что даже на момент прихода в Индию археологическую культуру ариев именуют срубно-андроновской. Еще одним свидетельством преемственности разноэтапных элементов позднеарийской волны является явное сходство алакульской (Южное Приуралье, середина II тыс. до н.э.), тазабагьярской (Хорезм, XIII-XI вв. до н.э.) и бишкентской (Южный Таджикистан, рубеж II-I тыс. до н.э.) материальной и духовной культур [13, с. 47-50].

Таким образом, касаясь пре- и собственно арийского периодов в истории Индии, следует говорить даже не о миграционных контактах Центральной и Южной Азии, а о распространении одних и тех же этнических (и, следовательно, экономических, культурных и пр.) элементов на территории обоих регионов. Свидетельств общности этих элементов достаточно много.

Это и хозяйственный уклад: преимущественно скотоводство, главным образом – коневодство, в сочетании с активной вырубкой лесных массивов соответственно андроновцами в северных и центральных частях территории современного Казахстана – с целью использования древесины в процессе выплавки металла, и ариями в северной Индии – в целях расчистки земель для сельскохозяйственной деятельности, к которой они постепенно перешли.

Это и стративная организация общества: деление на жрецов, воинов-кшатриев, из которых избира-

лись вожди и цари, и рядовых общинников у индийских ариев и андроновцев. При этом на территории Казахстана последняя прослойка так и не достигла четко выраженного разделения на земледельцев, ремесленников и торговцев, как это произошло в южных районах Центральной Азии и особенно в Индии; это может быть связано с тем, что для развития кочевого общества такая широкая стратификация попросту не была нужна.

Это и религиозные воззрения: боги с одинаковыми именами, функциями и даже канонами изображения – Митра, Яма, Варуна, Анахита и – более отдаленно – Индра, Сурья и Агни. Так, нередко у изображений богов андроновско-сакского периода – много рук, как и у верховных богов индуизма, в частности, многорукий бог на быке может быть соотнесен с Рудрой-Шивой. Найдены также относящиеся к андроновскому периоду изображения Солнца с копьями, а также змееволосых богов, что имеет непосредственные параллели с каноническим изображением индуистского бога Маруги (Сканды), в частности, в Южной Индии [14, с. 30-31].

Это и космогонические воззрения: трехуровневый четырехугольный космологический мир с богами-хранителями четырех сторон света; обожествление практически одних и тех же зверей, в особенности дикого, а затем домашнего крупного рогатого скота, и хищных птиц. Примечательно, в частности, что почитание коровы-матери в Индии связывается с наличием у ранних ариев культа быка, аналогичного культу тура в Центральной Азии.

Это и обрядовая практика: кремация покойников, включая использование красной краски в качестве символа огня; сати – принудительное, а впоследствии добровольное самосожжение (или иной вид самоубийства) вдов; сходный посезон-

ный церемониал, например, проведение царем первой борозды в начале сельскохозяйственного сезона; изготовление статуй богов, в том числе передвижных, в кочевых условиях из дерева, а в условиях оседлости – из камня; трепетное отношение к домашнему очагу; употребление опьяняющих напитков – кумыса, арака, а впоследствии хаомы-сомы, что в обоих регионах стало происходить и в религиозных целях и т.д.

Множество общих элементов существовало в одежде (так, на ногах у статуй ведийского бога Солнца – Сурьи – до сих пор изображаются так называемые «скифские» сапоги) и в вооружении (характерные «арийские» мечи и конные колесницы, использовавшиеся как самими ариями, так и индоиранцами Центральной Азии). Существовали и явные языковые параллели, что объяснялось все той же индоарийской общностью. Причем некоторые из этих арийских элементов – в сфере как духовной, так и материальной культуры – перешли к тюркоязычным народам [15, р. 201-203].

Примечательно, что хотя регион создания ранних частей общеарийской «Авесты» включал и Туран, однако в данном литературном памятнике центральноазиатские арии не упоминаются. В собственно индийской же литературе более позднего периода («Айтарейя-Брахмана», «Махабхарата», «Рамаяна», Пураны и пр.) регион Центральной Азии упоминается неоднократно. Территория Бхарат-варши (Древней Индии пуранических текстов) простирается на север до Амударьи (инд. Вамкшу) и индуистская мифическая гора Меру помещается в Памир. «Бхуванакоша» и вовсе включает всю Центральную Азию до Урала и Енисея в Уттарпатху – крайнюю северную часть Индийского субконтинента [16, с. 175-176]. Таким образом, длительные и интенсивные миграционные волны ари-

ев по сути объединили на определенное время также и мировосприятие представителей Центральной и Южной Азии.

**Миграционные контакты представителей
Центральной и Южной Азии в период
существования межрегиональных
«внешних» империй**

Политическое объединение соответственно южных и северо-западных районов Центральной и Южной Азии в рамках империи Ахеменидов, а затем державы Александра Македонского также оказало свое воздействие на взаимоотношения этих двух регионов. Разумеется, вряд ли формальное административно-территориальное включение в обе империи отдельных районов Центральной и Южной Азии (значительная часть населения которых, скорее всего, даже не знала об этом либо не придавала значения этому факту) могло способствовать либо препятствовать росту политического, торгово-экономического, религиозно-культурного и в целом миграционного взаимодействия между двумя регионами. Относительно централизованная инфраструктура, существовавшая в Ахеменидской империи, возможно, и облегчала торговые сношения на некоторых участках между Индией и Центральной Азией. Завоевательные же походы Александра Македонского, скорее, препятствовали прямым контактам покоренных им частей Центральной и Южной Азии (впрочем, как известно, это препятствие было недолгим).

В данный период на всем пространстве двух империй наблюдалось несколько иное развитие взаимосвязей между индийцами и представителями Центральной Азии – не непосредственные контакты, а торгово-экономическое, социальное и культурно-религиозное взаимодействие. И те, и другие встречались во многих городах-центрах

торговли и на различных торговых трассах. Так, и индийские, и сакские мигранты жили в Вавилонии (с VI в. до н.э.), в Александрии и других городах империй Ахеменидов и Александра Македонского. И те и другие служили наемниками в армиях этих держав и несли гарнизонную службу в различных областях (особенно с тех пор, как при последних Ахеменидах Индия была политически потеряна, а «Хорезм, Согдиана и сакские племена из подданных превратились в “союзников” персов» [17, с. 366]). Персидская и эллинская цивилизации являлись также посредниками в передаче некоторых культурно-религиозных элементов между Центральной и Южной Азией. Продолжались и контакты центральноазиатских и южноазиатских народов в границах их непосредственного расселения.

С середины III в. до н.э. отколовшиеся от державы Селевкидов Парфянское и Греко-Бактрийское царства стали своего рода буферной зоной между собственно регионами Центральной и Южной Азии. При этом регулярные военные конфликты между двумя царствами и свободные двусторонние миграционные потоки представителей двух регионов постоянно меняли состав и площадь территорий, входивших в каждое из этих государств, так что в отдельные периоды их границы накладывались друг на друга.

Знать в Парфянском и Греко-Бактрийском царствах, в том числе и на индийской территории, состояла как из иранцев и греков, так и из представителей собственно Центральной Азии. Однако в основном роль двух этих царств сводилась к активизации культурно-религиозных процессов. Прежде всего, это касается распространения эллинизма на захваченных территориях, что привело к унификации многих элементов материальной

Заключение

культуры и научных достижений на значительных пространствах Центральной и Южной Азии. Вместе с тем, бактрийцы в определенной степени оказались вовлечены в распространение буддизма и ранних индуистских культов в южных районах Центральной Азии [18, с. 58-59]. Парфяне и бактрийцы также держали под своим контролем все проходящие по их территории ветки оформившего незадолго до того Великого Шелкового пути и являлись, таким образом, активными посредниками в торговле между двумя регионами.

Следовательно, миграционные контакты представителей Центральной и Южной Азии в период существования межрегиональных «внешних» империй продолжались как на прежнем (из одного региона в другой), так и на новом (из обоих регионов в третий) уровнях, хотя и были опосредованы надрегиональными державами.

Таким образом, миграционное взаимодействие этнических групп Центральной и Южной Азии в эпоху ранней древности действительно сыграло огромную роль в последующей истории двух регионов, включая этнические, социально-политические, экономические и культурно-религиозные аспекты. Полномасштабные и локальные миграционные контакты между представителями Центральной и Южной Азии привели к установлению значимого взаимного присутствия, и через посредничество друг друга они постепенно оказались вовлечены в непосредственное взаимодействие с народами Дальнего Востока и Средиземноморья. В целом, все перечисленные факторы внесли весомый вклад в разностороннее материальное и духовное обогащение населения двух рассматриваемых регионов.

Литература

1. Воробьева О.Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации: Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2003. №9. С. 9 – 22.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М., 2003. 217 с.
3. Тхапар Р. Бхарат ка итихас (История Индии). Нью-Дели: Раджкамал Пракашн, 2006. 336 с. (на языке хинди).
4. Haidar M. Indo-Central Asian Relations. From Early Times to Medieval Period. New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 2004. 426 с.
5. Пандей Х. Мадхья Эйшия ке прачин авшеш аур Бхарат (Древние находки в Центральной Азии и их связь с Индией) // International Seminar on Cultures and Societies in Transition. India, Russia and Other CIS Countries. New Delhi: JNU and ICCR, 2006. С. 39-41. (на языке хинди).
6. Kroeber A.L. Anthropology. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1948. 895 с.
7. Лебедева Н.М. Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 100 – 124.
8. Всемирная история: в 10 т. / под ред. Е.М. Жукова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. I. 748 с.

9. Ильин Г.Ф., Дьяконов И.М. Первые государства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Ирана // История древнего мира: Кн. 1. Ранняя древность / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М.: Наука, 1989. С. 161 – 173.
10. Барманкулов М. Хрустальные мечты тюрков о квадронации. Алматы: ОФ «БИС», 1999. 416 с.
11. Санкритьяяна Р. От Волги до Ганга. История арьев в рассказах. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. 216 с.
12. Байпаков К.М. Бронзовый век // История Казахстана: Очерк. Алматы: Дәуір, 1993. С. 16-29.
13. Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М.: Наука, 1977. 327 с.
14. Рысбаева Г. Көне заманнан сақталынған Күннің таңбалары // Қоғам және Дәуір. 2005. №2. С. 30 – 35. (на казахском языке).
15. Rudenko Ye.I. Spiritual Unanimity and Ecological Morality of Hinduism and Tengrism // Sanskrit Studies. 2015. Vol. 4. С. 201 – 214.
16. Kumar B.V. Central Asia: The Indian Links // Dialogue. 2002. Vol. 3, № 4. С. 175 – 181.
17. Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество. М.: Прогресс, 1987. 632 с.
18. Basham A.L. The Wonder that was India. N.Y.: Grove Press, 1959. 568 с.

References

1. Vorob'yova O.D. Migracionnye processy naseleniya: voprosy teorii i gosudarstvennoj migracionnoj politiki // Problemy pravovogo regulirovaniya migracionnyh processov na territorii Rossijskoj Federacii: Analiticheskij vestnik SF FS RF. 2003. №9. S. 9 – 22.
2. Rybakovskij L.L. Migraciya naseleniya. Tri stadii migracionnogo processa (Oчерki teorii i metodov issledovaniya). М., 2003. 217 s.
3. Thapar R. Bharat ka itihās (Istoriya Indii). N'yu-Deli: Radzhkamal Prakashn, 2006. 336 s. (na yazyke hindi).
4. Haidar M. Indo-Central Asian Relations. From Early Times to Medieval Period. New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 2004. 426 s.
5. Pandey H. Madh'ya Ejšhiya ke prachin avshesh aur Bharat (Drevnie nahodki v Central'noj Azii i ih svyaz' s Indiej) // International Seminar on Cultures and Societies in Transition. India, Russia and Other CIS Countries. New Delhi: JNU and ICCR, 2006. S. 39-41. (na yazyke hindi).
6. Kroeber A.L. Anthropology. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1948. 895 с.
7. Lebedeva N.M. Psihologicheskie aspekty etnicheskoj ekologii // Etnicheskaya ekologiya: teoriya i praktika. М.: Nauka, 1991. С. 100 – 124.
8. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. / pod red. E.M. Zhukova. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1956. T. I. 748 s.
9. Il'in G.F., D'yakonov I.M. Pervye gosudarstva v Indii. Predgorodskie kul'tury Srednej Azii i Irana // Istoriya drevnego mira: Кн. 1. Rannyaya drevnost' / pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoj, I.S. Svencickoj. М.: Nauka, 1989. S. 161 – 173.
10. Barmankulov M. Hrustal'nye mechty tyurkov o kvadronacii. Almaty: OF «BIS», 1999. 416 s.

11. Sankrit'yayana R. Ot Volgi do Ganga. Istoriya ar'ev v rasskazah. M.: Obshchestvo druzhby i sotrudnichestva s zarubezhnymi stranami, 2002. 216 s.
12. Bajpakov K.M. Bronzovyy vek // Istoriya Kazahstana: Ocherk. Almaty: Dәuir, 1993. S. 16-29.
13. Guseva N.R. Induizm. Istoriya formirovaniya. Kul'tovaya praktika. M.: Nauka, 1977. 327 s.
14. Rysbaeva G. Kөne zamannan saқталынған Kүnniң taңbalary // Қоғам zhәне Dәuir. 2005. №2. S. 30 – 35. (na kazahskom yazyke).
15. Rudenko Ye.I. Spiritual Unanimity and Ecological Morality of Hinduism and Tengrism // Sanskrit Studies. 2015. Vol. 4. S. 201 – 214.
16. Kumar B.B. Central Asia: The Indian Links // Dialogue. 2002. Vol. 3, № 4. S. 175 – 181.
17. SHarma R.SH. Drevneindijskoe obshchestvo. M.: Progress, 1987. 632 s.
18. Basham A.L. The Wonder that was India. N.Y.: Grove Press, 1959. 568 s.

*Rudenko E.I., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Research Officer,
R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies Almaty (Kazakhstan)*

MIGRATIONAL INTERACTION OF CENTRAL AND SOUTH ASIAN PEOPLES IN THE EARLY ANTIQUITY

Abstract: the article aims to examine the phenomenon of direct and indirect migration contacts between ethnic groups and peoples of Central and South Asia at the earliest (initial) stages of relations between these two regions. A brief analytical review of Kazakh, Russian, and foreign (primarily Indian) historiography was carried out; the theoretical positions on migration interaction were compared with its real practice in the context of the considered space and period. It is shown that in the era of one of the first historically significant migrations – the Aryan migration – both regions were drawn into its orbit for a long time, which affected the ethnic, social and cultural features of their further development; during the period of inter-regional "external" empires, along with direct trade and economic interaction, there was also indirect migration of representatives of the two regions in different centers of these empires, which influenced the further development of the Central Asian and South Asian areas themselves, as well as neighboring middle Eastern state entities. Thus, already in early antiquity, the migration interaction of representatives of Central and South Asia was long, versatile, intensive, productive and, consequently, had significant consequences. This allows us to apply modern migration theories to it, and most importantly, makes it possible to consider the initial contacts between the two regions as a significant, and sometimes even a determining factor in their subsequent historical development. The information presented in the article can be used as a source or intermediate material for further research on this topic, as well as when writing textbooks and in the process of training specialists in historical and Oriental disciplines.

Keywords: Central and South Asia, ethnic groups, pre-Aryan and Aryan periods, Achaemenid and Macedonian empires, migrational interaction